

М. А. ПОЛЯКОВСКАЯ

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АЛЕКСЕЯ МАКРЕМВОЛИТА

В последнее время сочинения Алексея Макремволита, как опубликованные, так и находящиеся еще в рукописи и лишь фрагментарно введенные в научный оборот, привлекают все большее внимание исследователей¹. И это понятно: ученые пытаются проникнуть в тайны мировосприятия этого малоизвестного до недавнего времени писателя, оставившего миру такое необычное для Византии XIV в. сочинение, как «Разговор между богатыми и бедными».

«Разговор...», отражающий позиции византийского интеллигента «средней руки»², мечущегося между призывами к социальному равенству и предреканиями «погибели живому»³, логически смыкается с другим сочинением Алексея Макремволита — «Плачем на разрушение св. Софии». Здесь доминирующими стали настроения безысходности, ожидания неминуемой расплаты за все грехи мира.

Византинисты имели возможность познакомиться с публикацией полного текста «Плача...» Алексея Макремволита совсем недавно — он издан Ставросом И. Курусисом в 37-м томе фессалоникийского «Ежегодника общества византийских исследований»⁴. Текст «Плача...» опубликован по авторской рукописи Иерусалимского кодекса XIV в. *Sabbaticus* gr. 417, ff. 110^r — 113^v, содержащего все сочинения Алексея Макремволита. Рукопись была описана впервые Афанасием Пападопуло-Керамевсом в 1891 г.⁵ И. Шевченко было предложено более точное описание рукописи⁶: он определяет «Плач...» п. 10 (а не 9, как А. Пападопуло-Керамевс), сохраняя нумерацию манускрипта — «Logos...» 8. И. Шевченко первым ввел в научный оборот фрагменты из «Плача...» Алексея Макремволита⁷.

Вопрос о датировке «Плача...» спорен. Несомненно, он был написан позднее «Разговора между богатыми и бедными», появившегося вскоре после землетрясения 1343 г., разрушившего стены Константинополя⁸. Непосредственным поводом для написания «Плача» было землетрясение 19 мая 1346 г., о котором нам сообщают многие источники, в том числе и анонимный византийский хронограф XIV в.⁹ И. Шевченко считает, что «Плач на разрушение св. Софии» был написан Алексеем Макремволитом сразу же после землетрясения¹⁰. Издатель текста Ст. Курусис относит источник к более позднему времени — к 1353 г., когда по инициативе Иоанна Кантакузина был начат сбор пожертвований на восстановление храма св. Софии¹¹. Издатель аргументирует свою датировку прежде всего тем, что в «Слове на разрушение св. Софии» междоусобная война

1341—1347 гг. упоминается как событие, относящееся к прошлым временам. Однако Алексей Макремволит в фразе «мы, погубленные беспорядком и смутой, были истреблены друг другом»¹² мог иметь в виду события гражданской войны 40-х гг. вплоть до 1346 г., включая ожесточенную резню 1345 г. Думается, что упоминание о прошлом времени (pro pollou tou chrouou)¹³ не исключает возможности датировки этого «Слова...» Алексея Макремволита 1346 г., которому предшествовали многие годы междоусобья. К тому же следует отметить, что и 1353 г., которым предлагает датировать «Плач...» Ст. Курусис, не был настолько спокойным, чтобы можно было говорить о войне лишь в прошедшем времени. Как известно, это был период новых столкновений между Иоанном Кантакузином и Иоанном V Палеологом.

Второй аргумент издателя в пользу предложенной им датировки сводится к тому, что в «Плаче...» Макремволита упоминаются прежние восстановления храма¹⁴. Курусис предполагает, что здесь имеются в виду частичные восстановительные работы, проведенные Анной Савойской вскоре после землетрясения, разрушившего храм¹⁵. Но почему бы не отнести замечание Алексея Макремволита, например, к тем восстановительным работам, которые последовали за разрушениями части храма, предположим, в 1317 г.? Кроме того, аргумент издателя вызывает еще одно возражение. Алексей Макремволит считает, что «нелепо восстанавливать рухнувший дом (Господен.—М. П.), изгонять из него Того, кто освещал его»¹⁶. Эта мысль в различных вариантах не раз встречается в «Плаче...». Совершенно очевидно, что тезис Макремволита не согласуется с предположением Курусиса о том, что тема «Плача...» была подсказана восстановительной кампанией 1353 г., начатой эклогой патриарха Филофея и мероприятиями Иоанна Кантакузина.

Кроме того, издатель полагает, что «Плач...» был написан после эпидемии чумы, поскольку Макремволит, говоря о знамениях конца света, упоминает мор («не глад ли и мор, совершенно истребившие семьи, уничтожившие и предавшие смерти деревни и города»)¹⁷. Но если наш автор действительно имел в виду чуму, распространившуюся в это время на Византийскую империю (как и на всю Европу), то начало эпидемии относится как раз к 1346 г. К тому же можно предположить, что это всего лишь ссылка на библейский текст¹⁸.

Думается, что в связи с этим разумнее отнести «Слово-плач» Макремволита ко времени, следующему за событиями 19 мая 1346 г. Землетрясение, случившееся в ночь на 19 мая и приведшее к разрушению восточной апсиды и свода храма св. Софии, произвело на современников огромное впечатление. Никифор Григора рисует события этой ночи и последующих дней: плача и рыдая, люди изо всех частей города устремились к месту катастрофы; на работах по очистке места разрушения трудились без различия все горожане — богатые и бедные, сановники и простолюдины, господа и рабы, знать и ремесленники¹⁹. В монодии св. Софии Григора говорит, что после этой ночи «все погрузилось в хаос несчастья, молчания, бездны и тьмы...»²⁰ Рассматриваемый «Логос...» Алексея Макремволита по страстной силе изложения, по напряженности стилистических приемов (например, 34 строки подряд — рито-

рические вопросы) отражает, несомненно, первое впечатление от разрушения главного храма византийской столицы²¹. Вряд ли можно счесть этот сюжет навешанным кампанией за восстановление храма.

Thgenos Алексея Макремволита интересен прежде всего тем, что здесь концентрированно выражены эсхатологические настроения автора. В «Плаче...» совершенно очевидно убежденность Макремволита в приближении конца света. Он прямо заявляет, что приближается telos, te-leute, fthora²². Автор «Плача...» уверен, что «все происходящее должно погибнуть» (to gar genemonon pan kai thanein ofeiletai), аргументируя этот тезис введенными в текст словами из Евангелия от Матфея: «Небо и земля прейдут»²³.

Все «Слово на разрушение св. Софии» пронизано настроением безысходности и острой тоски. Макремволит находит неподобающими для детей (т. е. для всех людей) веселье, безучастность и глаза без слез в то время, как Отец находится при смерти («Когда же Отец агонизирует и находится при смерти, надлежит и детям не веселиться и не оставаться неплачущими и дурно безучастными»)²⁴.

Убежденный в наступлении конца мира, Алексей Макремволит видит знамения (ta semeia), «которыми предвещал Творец приближение к концу его»²⁵. Прежде всего видит их автор «Плача...» в неблагоприятных явлениях природы²⁶. Наряду с землетрясением, приведшим к разрушению храма св. Софии, он усматривает эти semeia грядущего конца в тучах саранчи, затмевавших солнце и погубивших виноградники²⁷; в разливах рек и ливнях²⁸; в землетрясениях и взрывах, лишаящих людей крова²⁹; в затмениях солнца и луны³⁰.

На зловещем фоне природных бедствий Алексей Макремволит рисует беды общественной жизни, также свидетельствующие, по его мнению, о приближении кончины всего живого. Свой «Плач...» он начинает словами: «Горькое и тяжелое время жизни нашей ежедневно отовсюду несет тяжелые несчастья...»³¹. Одним из проявлений этих несчастий, явных знамений грядущего конца света, являются, по Макремволиту, войны — «симптомы гибельных опасностей»³². Мрачными красками рисует наш автор нашествие турок на византийские земли: «Не были ли мы сыновьями агарян преданы резне, как овцы? Не они ли совершали набеги на всю нашу землю и опустошали ее? Не населяли ли они наши прославленные и почитаемые города, с жителями которых, ранее пребывавшими в благополучии и не издевавшими зла, они обращались, как с рабами? Не были ли мы по всей земле подвергнуты пленению? Не были ли наши кости плачевно разбросаны вокруг во время бесконечных боен, а наши тела не были ли пищей птицам в небе и животным на земле?»³³ Алексей Макремволит считал, что войны, наряду с другими несчастьями века («...и ныне происходящие войны, и болезни, и землетрясения...»), ниспослал людям карающий Бог (kolaston ho theos)³⁴. В «Слове 2», находящемся еще в рукописи, он утверждает, что турки были орудием божьего гнева, что турецкое нашествие и захваты были ниспосланы Богом «за грехи наши»³⁵: «мы всегда бываем побеждены военной хитростью варваров.., ибо души наши находятся в плену пагубных намерений...»³⁶

С особым негодованием и печалью пишет Алексей Макремволит о войнах, ведомых его соотечественниками друг против друга. Глубокое эмоциональное выражение этой скорби мы находим в уже упоминавшемся пассаже «Плача...», состоящем из множества вопросов, музыкально-динамический рисунок которых построен по принципу *crescendo*. Риторическим *fortissimo* этого пассажа являются фразы, характеризующие внутривластическое положение в империи: «Не были ли мы наголову уничтожены беспорядком и смутой, и взаимными истреблениями? Не были ли из-за этого наши деревни и города опустошены и покинуты их жителями?»³⁷ Алексей Макремволит, не выражая особых симпатий ни одной из борющихся политических сил³⁸, резко выступает против всякого междоусобия, против войны соотечественников, определяя подобное внутривластическое состояние империи как *polyarchon*, *anarchon*³⁹.

Один фрагмент «Плача...», завершающий каскад риторических вопросов, привлёк особое внимание исследователей и получил спорную интерпретацию. Несомненно, что Алексей Макремволит рисует в этом месте «Плача...» внутреннее состояние в империи: «И не потеряли ли мы наши души прежде наших тел из-за клятвопреступлений и отлучений? Не были ли представлены ереси среди лучшей части из нас? Не говоря уже о том, что мы из-за безволия забросили Бога и часто надеялись на спасение от того, кто пожирает нас каждодневно, и на его отвратительного (*dysteno*) патрона»⁴⁰. Естественно, что фрагмент привлёк внимание исследователей, поскольку это единственное во всем «Плаче...» упоминание о каком-то конкретном лице. О ком же идет здесь речь? И. Шевченко полагает, что Алексей Макремволит имел в виду мегадуку Алексея Апокавка и его патрона — патриарха Иоанна Калеку⁴¹. Ст. Курусис же склонен видеть в этом лице главу турок хана Урхана и его покровителя Мухаммеда⁴². Думается, что истина на стороне Курусиса. Действительно, могла ли идти речь об Алексее Апокавке как о человеке, «каждодневно пожирающем нас» (*to katesthionti hemas afeidos hose megalai*), если известно, что он был убит летом 1345 г.? Да и можно ли определить отношение Алексея Апокавка, мегадуки и всесильного временщика, к Иоанну Калеке как отношение к патрону, простату? Нельзя согласиться с тем аргументом И. Шевченко, когда он объясняет криптический характер рассматриваемого замечания тем, что Иоанн Калека, хотя и потерявший правительственную поддержку, все еще находился в столице⁴³. Этой скрытости намёка может быть найдено более простое объяснение: деконкретность, отсутствие имен и прямо названных фактов вполне соответствует нормам византийской риторики этого времени. Если И. Шевченко усматривает прямую связь между отлучениями и землетрясениями в умах современников Макремволита, апеллируя к Краткой хронике анонимного автора («10 октября 11-го индиктиона 6851 (1343) года была большая буря на море. И многие были отлучены от церкви патриархом господином Иоанном. И произошло большое землетрясение рано утром. Были удары молнии, каких никогда не было, и продолжалось долгое время»)⁴⁴, то можно найти и другую аналогию, относящуюся непосредственно к тому землетрясению, которое явилось поводом для написания «Плача...»: «13 мая 14-го индиктиона во втором

часу ночи был поврежден храм св. Софии. Кантакузин, выйдя из Дидимотики, захватил все крепости в Македонии. Оттуда он направился к столице вместе с *турками* и нанес большой урон христианам» (подчеркнуто мной.— М. П.)⁴⁵. Несомненно, в глазах византийцев 40-х гг. нечестивые турки во главе с Урханом, «каждодневно пожирающим» население, были страшным злом и божьей карой. Отягощал это впечатление и договор о военном союзе, который заключил Иоанн Кантакузин с главой османского государства. Помолвка старого Урхана с дочерью Кантакузина Феодорой, состоявшаяся за несколько месяцев до описываемых событий, дополняла впечатление, что турки скоро «съедят» империю⁴⁶.

Что же касается упоминаемых Макремволитом отлучений и клятвопреступлений, думается, И. Шевченко прав, приписывая это действиям патриарха Иоанна Калеки. В рассматриваемом пассаже «Логоса-плача» отнюдь не каждый последующий вопрос связан с предыдущим прямой следственной связью.

Социальные мотивы, сложная и богатая гамма которых прозвучала в «Разговоре богатых и бедных», в «Плаче...» трудно услышать. Пожалуй, они отсутствуют. Во всяком случае Алексей Макремволит о социальной несправедливости прямо не пишет. Конечно, можно было бы в войнах «друг против друга» (*hyp'allelon*) усмотреть социальную рознь, а в «беспорядке» (*sygchysis*) — социальные движения⁴⁷. Однако это было бы слишком явной натяжкой. Нельзя согласиться с И. Шевченко, увидевшем в рушащихся «живых храмах» божьих (*ton empsychon naon autou*)⁴⁸ прежде всего низшие классы общества⁴⁹. Интерпретация Кл.-П. Мачке другого, уже рассмотренного выше фрагмента «Плача...» («...мы надеялись на спасение от того, кто пожирает нас каждодневно...») также вызывает возражение: «мы» в его объяснении — это народ, его низшие слои, городская беднота, ставшие жертвами правящих кругов⁵⁰. Несомненно, Алексей Макремволит и в первом, и во втором случаях имел в виду народ как совокупность всех людей, без какой-либо социальной градации.

Если в «Разговоре богатых и бедных» Алексей Макремволит, наряду со смиренными мольбами о справедливости, обращал к «богатым» требования и угрозы, то в «Плаче на разрушение св. Софии», предчувствуя приближающуюся катастрофу, он выступает против всякой вражды. Если попытаться выделить из критического описания современного ему общества, из перечня несчастий, обрушившихся на его родную страну, какую-то позитивную программу автора, то ее можно было бы выразить словами, сказанными им в другом сочинении — «Логосе 9»: «Я люблю мир и божье покровительство»⁵¹. Алексей Макремволит хотел мира, которого явно не было в империи в эти годы. А каково мнение нашего автора в отношении «божьего покровительства»?

Вопросы веры и благочестия занимают значительное место в «Логосе-плаче». Это и понятно: тема сочинения навеяна впечатлением от разрушения главного константинопольского храма. Алексей Макремволит, так жаждавший «божьего покровительства», решительно утверждает, что Бог отвернулся от людей (*apestrammenos theos*)⁵², что он раздра-

жен (ho thumomachon)⁵³. Чем же объясняет это Макремволит, признававший, что Бог по своей природе человеколюбив⁵⁴, что «Бог есть любовь, и справедливость, и мир, и истина»⁵⁵? Алексей Макремволит убежден, что божий гнев ниспослан за грехи людей, за недостаток веры⁵⁶ и добрых дел. В дни, когда порождено много зла⁵⁷, когда люди отдали души дьяволу⁵⁸, начали рушиться «живые храмы» Бога, в душах которых «он живет, и остается, и ходит», ибо нет для Бога на земле места более близкого, чем непорочная душа человеческая⁵⁹. Алексей Макремволит уверен, что поклонение иконам («изображения его мы почитаем и преклоняемся»)⁶⁰ не есть еще поклонение Богу: «... он нас не знает, и никакая честь икон ему не честь, когда подлинник (to archetypou) оскорбляется»⁶¹. По мнению нашего автора, турки, уничтожающие вследствие своего невежества деревянные иконы, совершают меньшее святотатство, нежели православные, оскорбляющие Бога⁶². Итак, несомненно, что падение нравственности и малое благочестие являлись, по Макремволиту, причинами, вызывавшими гнев божий, и в то же время были свидетельствами приближающегося конца света.

Эмоциональным апогеем «Плача...» являются строки, посвященные разрушению храма св. Софии: «И разве вместе с этим (имеются в виду неблагоприятные явления в природе и общественной жизни.— М. П.) предмет гордости всех нас и украшение, знаменитый по всей земле и превосходный дом (храм.— М. П.), большое чудо ойкумены, наслаждение наше и рассказ (diegeta), известность, слава, вселенная, убежище, радость и гордость, увы, не разрушился и не стал прахом?»⁶³ Для Алексея Макремволита и его современников разрушение главного столпного храма было настоящей катастрофой. Со времен Юстиниана храм св. Софии считался совместным творением людей и ангелов. Эта мысль, нашедшая отражение в сочинении «О постройках» Прокопия Кесарийского⁶⁴, повторена в «Плаче...» Алексея Макремволита: «...строительство его было их взаимной связью»⁶⁵. Бог был причастен к созданию храма — Бог разрушил его. В этом парадоксе — кульминация «Слова-плача». Макремволит пишет: «...если Бог — творец, то разрушение, конечно, творцу враждебно»⁶⁶. Крушение храма св. Софии, по Макремволиту, было крушением связей людей с Богом, последним из моря несчастий, обрушившихся на Византийскую империю: «Это вершина несчастий, это ясный знак покидания Бога и конца мира»⁶⁷. Таким образом, Алексей Макремволит через цепь доказательств пришел снова к тезису, прозвучавшему в первых строках его «Слова на разрушение св. Софии»: конец мира неизбежен, он приближается.

Является ли «Плач на разрушение св. Софии» уникальным сочинением? Отнюдь нет: как тема «Плача...», так и аргументы в достаточной степени традиционны. Тезис о конце света, можно сказать, стар, как мир. Со времен Ветхого завета, сформулировавшего предчувствия и предрекания гибели, мысль о неизбежности общей катастрофы стала притчей во языцех многих авторов. Можно назвать десятки византийских писателей, сочинения которых содержат пророчества о конце мира. Для византийцев telos tou kosmou обычно был связан с гибелью Константинополя в противоположность западному тезису о вечном Риме⁶⁸.

Поскольку на основании библейских текстов нельзя установить срок наступления катастрофы («Небо и земля прейдут... О дне же том и часе никто не знает, ни ангелы небесные, а только Отец мой один»⁶⁹), всякие эксцессы в области общественной жизни или в природных явлениях приводили византийцев к мысли о гибели империи и ее столицы⁷⁰. Христианский греческий мир, веря в конец света, рассчитал время его наступления, исходя из библейской легенды создания земли и людей в течение шести дней⁷¹, и отнес его к седьмому тысячелетию по аналогии с седьмым днем Творца⁷² («...у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день»)⁷³. Поскольку седьмое тысячелетие от сотворения мира истекало к концу XV в., эсхатологические настроения на фоне бедствий империи Палеологов приобрели особую актуальность. Ст. Курусис приводит фрагменты из сочинений Феодора Метохита, Иосифа Вриенния, Георгия Схолария и других авторов⁷⁴, ясно свидетельствующие о том, что Алексей Макремволит не был одинок в своих настроениях.

Традиционна не только сама тема «Слова на разрушение св. Софии» Макремволита, традиционны также и его аргументы. Он использует в своем сочинении буквально все положения Ветхого и Нового заветов, прямо или косвенно говорящие о неминуемости конца мира. Особый акцент он делает на предсказаниях Книги пророка Даниила, к которой, собственно, апеллирует и Новый завет⁷⁵. Излагаемый Даниилом сон Навуходоносора о смене царств Алексей Макремволит вспоминает для обоснования гибели Византийской империи, последней из четырех царств (мидяне, персы, греки и римляне), соответствующих частям тела истукана, состоящим из золота, серебра, меди и железа⁷⁶. Макремволит видит в современном ему состоянии власти «конец великих властей» (*to telos ton megalon archon*)⁷⁷. Обосновывая неминуемый конец света, наш автор обращается и к другой легенде из Книги пророка Даниила: о четырех зверях, вышедших из моря⁷⁸. Этот фон понадобился Макремволиту, чтобы возвестить о приближении часа, когда придет Сын человеческий (*ho hyios tou anthrou*)⁷⁹ для установления царства вечного вместо гибнущих царств.

Таким образом, Алексей Макремволит, начавший «Слово на разрушение св. Софии» утверждением неминуемой гибели мира, заканчивает «Плач...» пришествием Сына человеческого и светлым спасением: четко вырисованная эсхатологическая концепция автора не оставляет места для жизни на земле. При чтении «Плача...» невольно обращаешься в мыслях к макремволитову «Разговору...» с его такими земными картинами жизни («Вы имеете дорогие купальни; о вашей жизни заботятся лучшие врачи, для вас — лучшие лекарства, благовонные мази и душистые корни из Египта. У вас приятные жилища...»)⁸⁰ и вполне реальными желаниями («кормите нас и одевайте», «дайте нам наше»)⁸¹. А ведь эти два опуса Макремволита разделяют во времени всего 3—4 года, да и поводом к их написанию явились сходные явления: землетрясения 1343 и 1346 гг. Что же связывает и разделяет в авторских построениях «Разговор...» и «Плач...»?

«Разговор...» Макремволита не свободен от эсхатологических на-

строений. Но в этом сочинении, в отличие от «Плача...», мысль о возможном крушении мира проводится лишь как угроза тем, кто не хочет жить по-христиански⁸². Алексей Макремволит в начале 40-х гг. усматривал в землетрясениях, наводнениях и иных стихийных бедствиях наказание для тех, кто нарушает нормы человеческих отношений: земля, например, «общая для всех мать, совершенно не вынося этого, справедливо сотрясается, стремясь поглотить тех, кто поступает так»⁸³. В «Разговоре...» природа представлена Макремволитом как нечто общее, выражающее волю Господа («...как вы не содрагаетесь при мысли о том, какой гнев общего Отца поднимается, когда природа вам выносит обвинение...»)⁸⁴. Эта мысль автора о каре Господней по отношению к грешникам подтверждается библейскими текстами о наказаниях огнем, тьмой, землетрясением⁸⁵. Природа-целое в «Разговоре...» уничтожает лишь пораженные болезнями части, чтобы не осквернить это целое⁸⁶. Таким образом, в «Разговоре богатых и бедных» неблагоприятные явления природы представлены Макремволитом, прежде всего, как свидетельства божьего гнева по отношению к грешникам. В «Плаче...» же все это представлено как знамения, предвещающие telos.

В «Разговоре...», как и в «Плаче..», Алексей Макремволит обращается к извечной теме о старых добрых временах,— теме, без которой не обходится, пожалуй, ни один византийский автор. Но в аранжировке этой традиционной темы в двух рассматриваемых сочинениях Макремволита можно уловить нюансы. Если достоинства старого времени определены и в «Разговоре...», и в «Плаче...» почти одними и теми же словами («процветала наша империя и вера»)⁸⁷, то для характеристики упадка империи в момент написания сочинений приводятся различные аргументы. В «Разговоре...» можно найти описание конкретных проявлений обнищания страны («И если раньше, когда было найдено какое-нибудь сокровище, правитель не забирал его, а устанавливал пользоваться им тому, кто нашел, теперь же из-за нужды забирают даже имущество умершего, ибо доходы их уменьшились»)⁸⁸, но эти аргументы не звучат так безнадежно, так безысходно, как в «Плаче...», где Макремволит рисует современные ему дела как преобладание зла и бедствий, взаимного отвращения, разобщенности, бесчеловечности, конца великих властей⁸⁹.

В «Разговоре...» Алексей Макремволит, ища выход из создавшегося положения, обращается и к проектам установления социального равенства, и к бракам между богатыми и бедными⁹⁰,— проектам утопичным для его времени, но вполне земным.

В «Плаче...» же автор видит лишь один выход: светлое спасение после пришествия Сына человеческого. Здесь Макремволит называет человеческую жизнь проходящей ночью (*parelthen he nux, he tou parontos bion delonti diagoge*), за которой наступает день спасения⁹¹.

Сравнительный анализ двух сочинений Алексея Макремволита позволяет уловить не только некоторые общие моменты, но и проявление различного отношения автора к отдельным вопросам. Только ли избранной темой следует объяснить изменение в мироощущении Макремволита? Разумеется, нет. Тема «Плача...» позволяла автору сделать лейтте-

мой сочинения тезис о наказании грешников и необходимости жить в мире. Однако эсхатологические настроения Макремволита достигли здесь своего крайнего, предельного выражения. Думается, что осложнение общественной жизни в течение 40-х гг. оказало некоторое влияние на настроения автора. Если в начале десятилетия поднявшаяся волна фессалонийского движения могла обещать установление в будущем хорошей социальной погоды, то жестокий шторм 1345 г. вызывал у ранее либерально настроенного интеллигента ощущение неизбежной катастрофы. Если вспомнить, что этот поворот в ходе зилотского движения совпал по времени с усилением внешней экспансии, с крутыми поворотами в религиозной политике, осложнением междоусобной борьбы, чумой и, наконец, с разрушением храма св. Софии, то можно признать, что почва для расцвета эсхатологических настроений была благодатной.

К. Киррис в докладе на XIV Международном конгрессе византистов в Бухаресте противопоставлял традиционные и революционные элементы в идеологии Алексея Макремволита⁹². Однако зачастую эти элементы предстают взаимосвязанными в сочинениях нашего автора. Прогрессивная идея социального равенства в «Разговоре...» аргументируется традиционным евангельским «Люби ближнего своего», а традиционные (т. е. консервативные, по Киррису) мотивы «Плача...» во многом порождены несогласием автора с реакционными проявлениями общественной жизни.

Традиционность «Плача...» Алексея Макремволита, действительно, ярко проявилась и в теме, и в аргументах. Трудно за библейскими формулами увидеть макремволитово «я». Но при всем том нельзя счесть его «Плач на разрушение св. Софии» только риторическим упражнением, совокупностью традиционных словесных формул. Сравнительный анализ сочинений Алексея Макремволита позволяет утверждать, что старые привычные слова несут в себе определенный заряд, полученный в общественной атмосфере. Кроме того, в самом отборе традиционных формул проявляется индивидуальный подход автора к решению темы.

Идя в анализе миропонимания Алексея Макремволита от «Разговора...» к «Плачу...», мы чувствуем нарастание эсхатологических настроений автора и их стремление к пределу (eschaton).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из последних работ об Алексее Макремволите следует назвать доклад кипрского ученого Костаса П. Кирриса на XIV Международном конгрессе византистов в Бухаресте в сентябре 1971 г.—Costas P. Kyrris. *Éléments traditionnels et éléments révolutionnaires dans l'idéologie d'Alexios Makrembolites et d'autres intellectuels byzantins du XIVe siècle—XIVe Congrès International des Études byzantines. Résumés.*—Communications. Bucarest, 1971, p. 35—37.

² I. Ševčenko. *Society and intellectual life in the XIV-th Century.*—XIVe Congrès International des Études Byzantines. Rapports 1, Bucarest, 1971, p. 12.

³ Alexios Makrembolites. *Dialogos plousion kai peneton* (далее — Д.),—ЗРВИ, кн. 6. Белград, 1960, p. 207. 24—25.

⁴ Alexios Makrembolites. *Eis ten hagian Sofian pesousan hypo pollon kata synechian genomenon seismon* (далее — Соф.),—EHBS 37, 1969—1970, p. 235—240. Вместе с «Плачем»... Алексея Макремволита Ст. Курусисом издан интерес-

ный текст анонимной «Монодии на св. Софию» из кодекса Vat gr. 112, убедительно приписываемый издателем Никифору Григоре.

⁵ А. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Hierosolymitike Bibliotheke II, 1894, p. 533—536.

⁶ I. Ševčenko. Alexios Makrembolites and his "Dialogue between the Rich and Poor: ЗРВИ, кн. 6, Белград, 1960, p. 189, n. 12.

⁷ Ibid., p. 192, n. 28; p. 195, n. 54; p. 198, nn 68, 70, 71, 72. См. также: I. Ševčenko. Notes on Stephen The Novgorodian Pilgrim to Constantinople in the XIV-th Century.— Südostforschungen, XII, 1953, S. 169—171.

⁸ Д., стр. 203.

⁹ Chronikon neon en syntomo, 187.— Б. Т. Горянов. Неизданный анонимный византийский хронограф XIV в.— ВВ, I (XXVII), 1949, стр. 286, 292. Хроника называет днем землетрясения 13 мая. Более точную дату см.: St. I. Kouroussis. Hai antilepseis peri ton eschaton tou kosmou kai he kata to etos 1346 ptosis tou troullou tes hagias Sofias. EHRs, 37, 1969/70, p. 229, n. I.

¹⁰ I. Ševčenko. Alexios Makrembolites., p. 192.

¹¹ St. I. Kouroussis. Hai antilepseis., p. 231.

¹² Соф., 37—38.

¹³ Там же, 37.

¹⁴ Там же, 71—72.

¹⁵ St. I. Kouroussis. Hai antilepseis, p. 229.

¹⁶ Соф., 64—66.

¹⁷ Там же, 20—22.

¹⁸ Матф., 24. 7—8: «...и будут глады, моры и землетрясения по местам. Все же это начало болезней». Лука, 21. 11: «Будут большие землетрясения по местам, и глады, и моры, и ужасные явления, и великие знамения с неба».

¹⁹ Greg., II, p. 750, 23—751, 20.

²⁰ Monodia eis ten hagian Sofian.— EHRs, 37, p. 250, 94—95.

²¹ Соф., 15—48. Разумеется, сила эмоционального воздействия того или иного сочинения определяется еще и мерой талантливости автора. Ссылка на огромный патетико-риторический заряд «Плача» Макремволита — это лишь аргумент ad hoc.

²² Соф., 4—5, 8.

²³ Там же, 83—85, Матф., 24.35.

²⁴ Соф., 8—10. Матф., 24.21: «...тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доньше, и не будет».

²⁵ Соф., 5—6.

²⁶ Там же, 15—16; См.: Исход, 10.4—5: «...я наведу саранчу на (всю) твою область; она покроет лице земли так, что нельзя будет видеть земли, и поест у вас (все) оставшееся (на земле), уцелевшее от града; обьет также все деревья, растущие у вас в поле...» Псалтирь, 77. 46; 104. 34—35. Саранча по Библии предвещала второе пришествие. См.: Анна Комнина. Алексиада. М., 1965. Пер. Я. Н. Любарского, стр. 559, прим. 973.

²⁷ Соф., 16—19; Исход, 9.22—25: «И побил град по всей земле Египетской все, что было в поле, от человека до скота, и всю траву полевую побил град, и все деревья в поле поломал (град)»; Псалтирь, 77. 47: «...виноград их побил градом...»

²⁸ Соф., 19—20.

²⁹ Там же, 22—25.

³⁰ Там же, 28—30; Книга пророка Исайи, 13.10: «Звезды небесные и светила не дают от себя света; солнце меркнет при восходе своем, и луна не сияет светом своим»; Книга пророка Иезекииля, 32. 8—9: «...солнце закрою и луна не будет светить светом своим. Все светила, светящиеся на небе, помрачу над тобою и на землю твою наведу тьму...»; Книга пророка Иоилы, 2.10.

³¹ Соф., 3—4.

³² Там же, 13—14; Матф., 24.6: «Тогда услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь: ибо надлежит всему тому быть; но это еще не конец».

³³ Соф., 30—37; I. Ševčenko. Alexios Makrembolites., p. 195.

³⁴ Logos 2, 27^v, 46^r—St. I. Kouroussis. Hai antilepseis., p. 224, n. 3.

³⁵ Apodeixis hoti dia tas hamartias hemon eis pronomen kai aichmalosian tois ethnesin exedothemen.

- ³⁶ Logos 2, 32^{r-v} — St. I. Kouroussis. *Hai antilepseis...*, p. 225, n. 2.
- ³⁷ Соф., 37—39
- ³⁸ О слабо выраженных прокантакузинских настроениях Алексея Макремболи-
та см.: I. Ševčenko. *Alexios Makrembolites...*, p. 191.
- ³⁹ Logos 2, 50^v — I. Ševčenko. *Alexios Makrembolites...*, p. 195, n. 56.
- ⁴⁰ Соф., 39—44.
- ⁴¹ I. Ševčenko. *Alexios Makrembolites...*, p. 192.
- ⁴² St. I. Kouroussis. *Hai antilepseis...*, p. 232.
- ⁴³ I. Ševčenko. *Alexios Makrembolites...*, p. 191.
- ⁴⁴ Chronikon neop., 285. 160—164; 292 (текст приводится в переводе Б. Т. Горянова)
- ⁴⁵ Там же, 286. 187—190; 291.
- ⁴⁶ E. Werner. *Die Geburt einer Großmacht. — Die Osmanen.* Berlin, 1966, S. 131 ff.
- ⁴⁷ Соф., 38.
- ⁴⁸ Там же, 61—62.
- ⁴⁹ I. Ševčenko. *Notes on Stephen...*, p. 170.
- ⁵⁰ Kl.—P. Matschke. *Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jahrhundert. Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode von 1341 bis 1354.* Berlin, 1971, S. 170, 237.
- ⁵¹ Logos 9, 106^v — I. Ševčenko. *Alexios Makrembolites...*, p. 196, n. 58; St. I. Kouroussis. *Hai antilepseis...*, p. 224, p. 1.
- ⁵² Соф., 67.
- ⁵³ Там же, 55.
- ⁵⁴ Там же, 53. Ср.: «...ученики Христа, по природе человеколюбивого и мило-
сердного, бессердечны и скупы по отношению к единоплеменникам». — Д., стр. 205.
13—14.
- ⁵⁵ Соф., 54—55. Первое послание Иоанна, 4:8: «Кто не любит, тот не познал
Бога, потому что Бог есть любовь»; Послание к римлянам, 15:33; Первое послание
к коринфянам, 14:33: «...Бог не есть Бог неустройства, но мира».
- ⁵⁶ Второе послание к фессалоникийцам св. апостола Павла, 3:2: «...не во всех
вера».
- ⁵⁷ Соф., 11.
- ⁵⁸ Там же, 65.
- ⁵⁹ Там же, 62—64. Ср.: Logos 2, 37^v—39^r — I. Ševčenko. *Alexios Makrem-
bolites...*, p. 196, n. 62; Левит, 26:12; Второе послание к коринфянам; 6:16: «...вы храмы
Бога живого, как сказал Бог: вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и
они будут моим народом».
- ⁶⁰ Соф., 59.
- ⁶¹ Там же, 60—61; Матфей, 25:12: «Он же сказал им в ответ: истинно гово-
рю вам, не знаю вас...»; Второе послание к коринфянам, 6:16: «Какая совмести-
мость храма Божия с идолами?»
- ⁶² Logos 2, 38^v—39^r — I. Ševčenko. *Alexios Makrembolites...*, 196, n. 62.
- ⁶³ Соф., 44—48. Вторая книга Маккавейская, 2:23: «И воссоздали славный во
всей вселенной храм...»
- ⁶⁴ Прокопий Кесарийский. О постройках, I, 1, 61. Пер. С. П. Кон-
дратьева. — ВДИ, 1939, № 4, стр. 211.
- ⁶⁵ Соф., 50—51.
- ⁶⁶ Там же, 57.
- ⁶⁷ Там же, 49—50.
- ⁶⁸ A. Vasiliiev. *Medieval Ideas of the End of the World: West and East.* Byz.,
XVI, 1942—1943; Ch. Diehl. *De quelques croyances byzantines sur la fin de Con-
stantinople* — BZ, 30, 1929—1930; P. Alexander. *Historiens byzantins et croyances
éschatologiques.* — Actes du XII Congrès International d'Études byzantines, t. II. Beo-
grad, 1964.
- ⁶⁹ Матф., 24. 35—36.
- ⁷⁰ Ст. Курусис приводит интересные материалы относительно существования в
Византии двух эсхатологических направлений: «астрономического», связанного с

предсказаниями гибели на основании изучения небесных тел, и «библейского», эсхатология которого покоилась на изучении текстов Библии.— St. I. Koukoussis. *Naï antilepseis...*, p. 212—213; D. L. Kontssaky. *He astronomia kai he astrologia kata tous byzantinous chronous*.— EHBS, 24, 1954.

⁷¹ Бытие, 2.2.

⁷² Там же, 2.2—3: «И совершил Бог к седьмому дню дела свои, которые он делал, и почил в день седьмой от всех дел своих...»

⁷³ Второе послание св. апостола Павла, 3.8.

⁷⁴ St. I. Koukoussis. *Naï antilepseis...*, p. 215—224, 247—250.

⁷⁵ Матф., 24.14—15: «...и тогда придет конец. Итак, когда увидите мерзость запустения, реченную чрез пророка Даниила...»

⁷⁶ Книга пророка Даниила, 2.

⁷⁷ Соф., 77—78.

⁷⁸ Книга пророка Даниила, 7.

⁷⁹ Соф., 78—81.

⁸⁰ Д., стр. 209.16—19.

⁸¹ Там же, стр. 208.19—20; стр. 214.12.

⁸² Там же, p. 203.4—5; стр. 207.22—25.

⁸³ Там же, стр. 203.6—8.

⁸⁴ Там же, стр. 204.19—20.

⁸⁵ Там же, стр. 203.11—20; стр. 204.1—4. Бытие, 6—7, 19.24—25; Исход, 10.22; Числа, 16.32; 26.10; Второзаконие, 11.6, 29.33; Книга пророка Иеремии, 50.40; Книга пророка Иезекииля, 16.49; Книга пророка Амоса, 4.11; Псалтирь, 104.28, 105.17; Матф., 5.29—30; Марк, 9.43.

⁸⁶ Д., стр. 204.2—4.

⁸⁷ ...akmadzouses tes arches hemon kai tes pisteos.— Д., стр. 213.12—14; Соф., 71—73.

⁸⁸ Д., стр. 213.20—23.

⁸⁹ Соф., 74—77.

⁹⁰ Д., стр. 208.3—12, 30—32.

⁹¹ Соф., 86—95. Послание к римлянам, 13.11—12: «...наступил уже час пробудиться нам от сна. Ибо ныне ближе к нам спасение, нежели когда мы уверовали. Ночь прошла, а день приблизился: так отвергнем дела тьмы и облечемся в оружие света». Лука, 6.23.

⁹² C. P. Kyrris. *Eléments*., p. 36.